

КУЛЬТУРА

Комитета безопасности нет больше, упразднен, но слово «Лубянка» еще долго будет связано в сознании людей с этим страшным ведомством... Тех, кто работал здесь в сталинские времена, трудно было чем-либо удивить. И все-таки однажды такое произошло: явившийся по повестке человек учинил скандал. Но это еще ничего, такое случалось. Беспрецедентной, фантастической была причина скандала: визитер требовал, чтобы ему выдали ребенка. Не письма и не книжки, что пытались всучить ему — для этого, собственно, и вызвали, — а новорожденного младенца, отцом которого он торжественно провозгласил себя. И который, по его данным, был произведен на свет именно здесь.

ДВЕРЬ кабинета то и дело открывалась: любознательные коллеги следователя выискивали любой предлог, чтобы хоть краем глаза взглянуть на пожилого — шестьдесят стукнуло — чудака. К тому же знаменитость: с самим Сталиным беседовал по телефону, и тот якобы назвал его небожителем. «Не трогайте, — распоряжались, — этого небожителя».

Фамилия небожителя была Пастернак; он писал стихи, в которых здесь, на Лубянке, никто ничего понять, разумеется, не мог. Эти-то поэтические сборники, изъятые при обыске у одной его знакомой, и хотели вернуть автору, но автор отодвигал их в сторону и требовал ребенка.

Следователь разводил руками. Нет, уверял, никакого ребенка. Тогда небожитель попросил карандаш с бумагой, сел и принялся размашисто писать жалобу самому министру безопасности.

Невероятную бумагу эту приложили к делу и после показали обвиняемой Ольге Ивинской — она-то, уверял Пастернак, и одарила его в лубянской тюрьме наследником.

Фантазия? Не совсем... Когда в 1949 году эту женщину арестовали, причем главной, хотя и не названной прямо причиной ареста была как раз связь с неблагонадежным Пастернаком, — связь, которую оба не особенно-то и скрывали: она находилась в положении. Узнав об этом, будущий отец «стал метаться по Москве, рассказывать всем знакомым и малознакомым», что скоро у него появится ребенок.

Так пишет Ивинская в своих воспоминаниях — кните, беспристрастно откровенной, пристрастной, горькой и в то же время полной жизненной силы. Испытания не сломили ее, а только ее долю и помимо тюрьмы с лагерем выпало немало: самоубийство первого мужа, смерть второго, военное лихолетье с малым итем на руках. Но ее еще хваляло на стихи — она не только запоем читала их, но и сама писала, а одно время работала даже в отделе поэзии журнала «Новый мир».

Здесь-то и познакомились. Ольбе Ивинской знала Пастернака еще с довоенных времен, мельком видела несколько раз, но по-настоящему разглядела только теперь. «...Входя в мою жизнь с ковровой дорожкой в редакции, — вспоминала впоследствии Ольга Всеволодовна, — он прежде всего поражал дикой, неправильной, четкой скульптурностью — причем скульптура эта была сотворена гением, очевидно, не знавшим канонов и пропорций».

В растревоженной и цепкой женской памяти остались мельчайшие подробности того дня: первый мелкий снежок за окном, холод еще не прогретого редакционного помещения, его царское обещание подарить ей свои книги и, главное, его взгляд.

«Это был такой требовательный, такой оценивающий, такой мужской взгляд, что ошибиться было невозможно: пришел человек, единственно необходимый

мне, тот самый человек, который, собственно, уже был со мною. И это было потрясающее чудо».

Другое чудо, явившееся прямым продолжением этого, имело место десять лет спустя, когда в Милане на итальянском языке вышел «Доктор Живаго», тотчас же начавший триумфальное шествие по свету. Спусти

Уроки любви

Труд. - 1994. - 22 экз. - с. 7

СКАНДАЛ НА ЛУБЯНКЕ

Его учинил Борис Пастернак. Но отнюдь не по поводу арестованных книг...

год Пастернак стал нобелевским лауреатом.

Роман назван именем главного героя, но это — не единственный главный герой, есть там еще один, женщина, Лариса Федоровна Антипова, или просто Лара, которую автор в одном из писем прямо связывает с Ольгой Ивинской. «Она и есть Лара моего произведения, которое я именно в это время начал писать».

Будущему прототипу (тогда еще Пастернак, разумеется, не знал, что она станет прототипом) было объявлено о пока что смутном замысле буквально в первую минуту. Ивинская приводит эти слова: «...Задумал роман в прозе, но еще не знаю, во что он выльется».

На другой день ее ждал на рабочем столе аккуратный сверток. Развернув его, она зажмурилась, не веря глазам: перед ней было пять пастернаковских книжек — целых пять! И собственные стихи, и переводы...

К концу рабочего дня, когда стемнело и на улице зажглись фонари, в редакции появился сам автор.

Потом приходил едва ли не ежедневно. Домой возвращались вместе, он расспрашивал о ее жизни, рассказывал о себе, предлагал, как истинный король, принять в дар запорошенную снегом площадь...

Новый 1947 год начался для нее с листа бумаги, на котором было всего несколько строк. Заклещиватель перебрала раз десять. «Вы страшно славная, мне хочется, чтобы Вам было хорошо. Б. П.». А перед этим — два-три дежурных пожелания, которые показались ей холодноватыми; «интуитивно ждала я чего-то большего, каких-то более теплых слов».

И дождалась. Он произнес их у памятника Пушкину, куда срочно вызвал ее из редакции (редакция располагалась неподалеку) и где, взволнованный, попросил не смотреть на него.

«Я кратко выражу вам свою просьбу: я хочу, чтобы вы мне говорили «ты»; потому что «вы» — уже ложь».

В растерянности пробор-

мotala она, что ей это трудно, невозможно, страшно, но он настаивал и, дабы поощрить ее, первым перешел на — «ты».

В тот же вечер она услышала, что ее любят и что «сейчас в этом вся моя жизнь».

Наверное, тут не было такого уж преувеличения: вся его внутренняя жизнь — жизнь сердца — и впрямь сосредоточилась на этой женщине, но ведь была еще и жизнь внешняя, будничная: дети, дом, жена, и он не мог, не хотел ломать привычного уклада.

«Бориса Леонидовича стала душить жалость к семье и раздвоенность — как быть. Он все снова и снова повторял мне, что, входя в квартиру, где его ожидала стареющая женщина, он вдруг

За дверью — Борис Леонидович. Оказалось, он ездил на дачу и обратно, ходил всю ночь по городу... Мы молча обнялись».

В то утро он сделал надпись на своем стихотворном сборнике: «Жизнь моя, ангел мой, я крепко люблю тебя. 4 апр. 1947 г.».

Книжечка эта, тонюсенькая, в красной обложке, была конфискована вместе с другими его книгами при аресте Ивинской, а после, также вместе с другими, возвращена — вместо ребенка, которого небожитель со скандалом требовал у лубянских чиновников. (Жена была заранее предупреждена и согласилась воспитывать младенца).

Увы, ребенка ему не дали. Его просто не существовало в природе. Уже не существовало: в тюрьме, после одного из допросов, случился выкидыш. Словом, ушел Борис Леонидович ни с чем, если не считать книг, которые он некогда подарил Ольге Ивинской и которые своими автографами изобличали ее связь с вольнодумцем. За что, собственно, она и поплатилась...

«Ее посадили из-за меня как самого близкого мне человека, — писал Пастернак, — чтобы на мучительных допросах под угрозами добиться от нее достаточных оснований для моего судебного преследования. Ее героизму и выдержке я обязан своей жизнью и тому, что меня в те годы не трогали».

В романе «Доктор Живаго», который оба они называли «наш роман», Ольга Всеволодовна узнала не только себя, но собственную дочурку — в дочери Лары Катеньки, восьмилетней девочке «с двумя мелкозапятенными косичками».

Да, это был «их» роман, и не только по содержанию, но и по своей опальной, трагической и одновременно счастливой судьбе, в которой Ольге Ивинской выпало сыграть весьма значительную роль. Что было хорошо известно и за что ей крепко доставалось. На этот счет есть множество свидетельств, в том числе и сына Пастернака Евгения. «Как всегда, — пишет он, — первые удары приняла на себя Ольга Всеволодовна. Ее вызывали в ЦК...»

Но она устояла. Эта женщина умела держать удар...

Из семьи Пастернак так и не ушел, ибо считал невозможным для себя «соединиться на обломках чьего-то крушения», но выделялся постоянно, а когда уезжал — писал ей ежедневно. А то и по два раза на дню... Лишь за первые четыре мартовских дня 1959 года отправил ей из Тбилиси пять писем.

Это была его последняя поездка, последняя здоровая весна. Следующая принесла с собой болезнь, от которой он уже не оправился. Все реже выходил из дома, а скоро и вовсе слег. Поддерживали лекарства, поддерживали друзья и — еще больше — ее письма.

«Золотая моя прелесть, твое письмо как подарок, как драгоценность. Одно оно способно излечить, окрылить, вдунуть в меня жизнь».

Это написано 30 апреля 1960 года. Ровно через месяц, 30 мая, его не стало.

Когда она пришла проститься с ним, перед ней молча расступились. Ибо все чувствовали, что у этой женщины были «какие-то свои, совсем особые права на скончавшегося».

Слова эти принадлежат Пастернаку. Это сцена, когда к мертвому, утопающему в цветах доктору Живаго приходит в последний раз его Лара.

начинал видеть в ней Красную Шапочку, затерянную в лесу, и приготовленные слова о разрыве застревали у него в горле».

Жалость и раздвоенность души и доктора Живаго.

«Прошло более двух месяцев с тех пор, как в одну из своих поездок в город он не вернулся домой и остался у Ларисы Федоровны, а дома сказал, что задержался по делу в городе... Юрий Андреевич обманывал Тоню и скрывал от нее вещи, все более серьезные и непозволительные. Это было неслыханно».

Герой честно пытается вырваться из заколдованного круга — и герой, и автор. Об одной из таких попыток рассказывает в своих воспоминаниях прототип Лары, даже число записавшая: третье апреля 1947 года.

То было бурное объяснение, переходило, пишет Ольга Всеволодовна, «от восторгов к отчаянию», и отчаяние в конце концов победило. Оба решили, что надо прекратить встречи.

«Расставание было печальным: Б. Л. говорил, что он не имеет права на любовь, все хорошее теперь не для него, он человек долга и я не должна отвлекать его от проторенной колеи жизни и работы, но заботиться обо мне он всю жизнь будет».

Этот прощальный, потребовавший необычайного напряжения нервов и сил разговор состоялся в ее коммунальной комнатке — удивительно ли, что комнатка эта перекочевала впоследствии в роман. Разговор, само собой, тоже.

«По Лариним щекам текли неощутимые, не сознаваемые ею слезы... Она искренне, без напускного великодушия, тихо приговаривала: «Делай, как тебе лучше, не считайся со мною. Я все переберю». И не знала, что плачет, и не утирает слез».

Уйдя от возлюбленной, герой долго в нерешительности бродит по городу, потом возвращается — толь-в-толь, как в свое время вернулся автор.

«...В шесть утра — звонок.

Руслан КИРЕЕВ.